

ГЕОГРАФИЯ МОЕЙ НЕЖНОСТИ

МАРИНА ПЕЧЕРСКАЯ

Марина Печерская

География моей нежности

«Автор»

2026

Печерская М.

География моей нежности / М. Печерская — «Автор», 2026

Макар Воронцов — сын архитектора, живущий по строгим линейкам отца. Его мир стерилен и предсказуем, а будущее расчерчено на годы вперед: престижная гимназия «Логос», бизнес-союз с Маргаритой Завадовой. Но всё меняется, когда в его объектив попадает Ксюша Ильина — рыжеволосая художница из промзоны, которая лечит шрамы города золотой краской. Макар ведет тайный Атлас, где сухие координаты и чертежи постепенно превращаются в хронику первой любви. Ксюша — его главная «аномалия», научившая «мальчика-чертежа» слышать музыку старых мостов и ценить хаос живого чувства. Ради неё Макар готов бросить всё: камеру Nikon, статус и родительскую поддержку. Им предстоит столкнуться с предательством одноклассников, интригами Марго и жестоким ультиматумом семьи. Когда их общий проект портят, героям приходится использовать древнее искусство кинцуги, чтобы доказать: истинная красота рождается там, где чертеж дает трещину. Пора узнать, какая цена у самого честного факта в мире — взгляда любимых глаз.

© Печерская М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступление. Объект: Новый мир. Точка 0	5
Глава 1. Зона вечного холода».	7
Глава 2. Точка 2. Академия Искусств. Форум	9
Глава 3. Линии контроля	12
Глава 4. Наложение слоев	14
Глава 5. Зона отчуждения	16
Глава 6. Точка 0. Деформация	18
Глава 7. Резонанс	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Марина Печерская

География моей нежности

Вступление. Объект: Новый мир. Точка 0

Переезд случился в начале июня. Отец, Сергей Викторович, зашел в новую квартиру первым и удовлетворенно кивнул: -Структура, Макар. Здесь мы наконец-то избавимся от «шума».

«Шумом» отец называл всё, что осталось в старом микрорайоне: облупившуюся штукатурку, крики соседей и бессистемные граффити под окнами.

-Тут ты сможешь заняться делом и станешь моим достойным продолжением,-радостно заявил отец Макара.

Он почему-то считал, что Макар обязательно должен стать выдающимся архитектором и никем больше. Макар это принял как данность.

Для Макара переезд из «микраша» в новый ЖК стал не просто сменой адреса. Это была депортация в другую галактику.

В старом районе, который местные называли «Ямой», жизнь была слишком громкой и слишком осязаемой. Там пахло разогретым асфальтом, дешевыми сигаретами и безнадеей. Стены их панельной пятиэтажки были испещрены слоями надписей, как годовыми кольцами: от признаний в любви до признаний в ненависти к участковому. Макар ненавидел этот хаос.

Он прятался от него в объективе фотоаппарата -Nikon F3. Его тяжелый титановый корпус был едва заметно теплым — он хранил тепло его ладоней, но казался ледяным в сравнении с горячим воздухом за окном.

Он получил его в день своего 17-летия. Всего месяц назад. Отец тогда пригласил его в свой кабинет. В том помещении не было случайных вещей — только чертежи, макеты будущих высоток и мертвая тишина. Сергей Викторович достал из сейфа кожаный кофр.

— Теперь ты достаточно взрослый, чтобы понимать ответственность за то, что выбираешь объективом, — сказал отец, протягивая ему камеру. — Я снимал на него свои лучшие проекты. Он видел, как рождался этот город. Помни: в этом аппарате нет режима «авто». Здесь за каждый промах отвечаешь ты сам. Это твоё наследство, Макар. Не подведи его.

Всё изменилось, когда отец получил должность ведущего архитектора в крупном холдинге. Семья Воронцовых победила в социальном соревновании, и призом стал современный ЖК.

В день переезда Макар стоял посреди их новой квартиры и чувствовал тошноту от стерильности. Здесь не было запахов. Здесь не было звуков. Только гудение системы климат-контроля и бесконечные, бездушные отражения в панорамных окнах.

— Теперь мы живем там, где должны, — сказал отец, обводя рукой идеальное пространство гостиной. — Никакой грязи, Макар. Никакого шума.

Макар кивнул, но глубоко внутри почувствовал, как его «Полюс холода» окончательно сформировался. Если в «микраше» он был чужим из-за своей тяги к порядку, то здесь он стал чужим, потому что порядок стал обязательным.

Он сидел на полу посреди нераспакованных коробок. Его трясло от неестественной чистоты стен и осознания того, что он больше не знает, кто он в этом идеальном пространстве. Рука наткнулась на толстую тетрадь в кожаном переплете — подарок деда, который когда-то увлекался картографией.

Макар открыл первую страницу. Белый лист ослеплял.

Он понял: чтобы не сойти с ума в этой стерильной клетке, ему нужно разметить территорию. Ему нужно сделать этот мир предсказуемым. Он достал карандаш и камеру.

Сначала он сфотографировал вид из окна — геометрию соседнего небоскреба. Потом распечатал фото и вклеил снимок в тетрадь и вывел под ним: **«Объект: Новый мир. Точка 0. Высота — 70 метров над реальностью. Температура чувств — 0 по Цельсию».**

Так родился его Атлас.

Макар решил, что отныне каждое важное место, каждый угол города, где он бывает, будет занесен в этот реестр. Он будет прописывать там не только координаты, но и уровень шума, освещение и «коэффициент безопасности». Это будет география его отчуждения. Если место сфотографировано, измерено и занесено в Атлас — оно больше не может быть неизвестным. Оно становится схемой.

Он верил, что если заполнит всю тетрадь, то создаст свой собственный, безопасный город, где никто и никогда не сможет вторгнуться в его личное пространство.

Макара с сентября перевели в элитную гимназию «Логос» рядом с ЖК, оставив в «микраше» всё, что хоть немного было связано с живым, пусть и грубым миром. Теперь его жизнь была расчерчена в черно-белых тонах. Он стал человеком-схемой, обитателем стеклянной клетки, который верил: если не подпускать никого близко, его мир никогда больше не превратится в хаос «Ямы».

-Целое лето провести здесь.целое лето,-прошептал Макар

Глава 1. Зона вечного холода».

Квартира Воронцовых находилась на двадцать втором этаже нового ЖК «Грань Будущего», который в районе называли «Стеклянным ульем». Стены здесь были выкрашены в цвет «холодный пепел», а панорамные окна пропускали столько света, что любая пылинка казалась преступлением против эстетики.

Макар сидел на подоконнике в своей комнате. В его руках был — старый отцовский Nikon, его личная броня. Через видоискатель мир переставал быть хаотичным. В черной рамке кадра не было места непредсказуемости.

— Экспозиция на один стоп ниже... — прошептал Макар, задерживая дыхание.

Щелчок.

Кадр зафиксировал угол противоположной высотки. Идеальная вертикаль. Ни одной живой души на балконах. Макар воспринимал город не как место для жизни, а как гигантскую схему, где люди были лишь случайными помехами в архитектурном ритме.

Дверь приоткрылась без стука — в этом доме уважали границы, но не тайны. Вошел отец.

— Макар, ты подготовил анализ *Сектора А* для завтрашнего форума? — голос отца, Сергея Викторовича, всегда звучал так, будто он зачитывал условия контракта.

Сергей Викторович Воронцов был ведущим архитектором города. Человек-линейка. В его гардеробе были только серые и темно-синие костюмы, а в голове — только графики эффективности. Он не умел обнимать — он умел только одобряюще хлопать по плечу, если оценка в таблице соответствовала его ожиданиям. Для него Макар был не сыном, а самым важным долгосроком, который обязан был стать идеальным продолжением империи Воронцовых.

— Почти, папа. Осталось выровнять световые оси, — Макар не оборачивался. Он знал, что отец сейчас смотрит не на него, а на экран его монитора, проверяя углы наклона зданий.

— «Почти» — это слово для дилетантов из муниципальных контор, — сухо заметил отец. — У Воронцовых всё должно быть безупречно ещё на стадии эскиза. Доделай к утру.

— Что, опять ловишь тени, Макар? — отец прошел к столу, поправил карандаш, лежавший под углом сорок пять градусов к краю, и развернул планшет.

— Ты теперь будешь учиться в лучшей школе, в пятнадцатой гимназии. Я настоял, чтобы тебя определили в класс к Анатолию Ивановичу.

Макар не опустил камеру. — К Смеридову? — тихо спросил он. — Ты же говорил, он учил тебя еще в те времена, когда ты сам ходил с деревянным подрамником.

Отец едва заметно усмехнулся — этот сухой звук был высшим проявлением его ностальгии. — **Анатолий Иванович Смеридов**. Мы прозвали его **Меридианом** еще в девяностых. Он тогда был моложе, чем я сейчас, но уже тогда казалось, что он проглотил железную линейку. Он единственный, кто поставил мне «три» за проект планировки района только потому, что я сдвинул ось на два миллиметра. «В географии, Воронцов, два миллиметра на карте — это два километра в жизни. Ошибешься в расчетах — и твоя жизнь окажется в болоте», — так он говорил.

Отец подошел к окну и посмотрел на город, который сам и помогал застраивать по этим жестким лекалам. — Меридиан не изменился, Макар. Он — эталон. Человек с абсолютным чувством пространства. Он посмотрит на тебя и увидит либо структуру, либо пустоту. Я бы очень не хотел, чтобы он увидел в моем сыне пустоту. Твои фото... постарайся, чтобы они стали чем-то большим, чем просто картинки.

— Мои фото — это и есть структура, папа, — Макар наконец убрал Nikon от лица. Его светло-серые глаза казались прозрачными. — Там нет ничего лишнего.

— Анатолий Иванович скажет тебе, что лишнее, а что — нет, и я надеюсь, что ты с ним, и с ребятами найдешь общий язык — отец на секунду задержал взгляд на сыне, словно хотел добавить что-то личное, но лишь кивнул.

— Ужин через семь минут. Ровно. Мать не любит, когда паста остывает.

Макар закатил глаза. Общий язык... Он знал только язык координат и логарифмов. Он еще и не догадывался, что скоро столкнется с настоящим извержением вулкана, который навсегда изменит его жизнь.

Отец вышел, оставив после себя запах дорогого одеколона и ощущение невидимых линеек, сжимающих пространство. Когда дверь закрылась, Макар снова посмотрел в окно. Солнце садилось, окрашивая бетонные джунгли в холодный серый цвет. Он открыл чистую страницу своего блокнота и в самом верху написал каллиграфическим почерком: **«Точка 1. Пентхаус. Зона вечного холода».**

Он записал координаты их новой квартиры и добавил приписку: *«Стерильность. Звуки отсутствуют. Дыхание ограничено чертежом».*

Он верил, что эта зона — его крепость. Что никто не сможет пробить эту прозрачную стену между ним и реальностью. Особенно старик Меридиан, который когда-то «строил» его отца.

Макар подошел к карте города, висевшей над столом. Его палец коснулся района пром-зоны. Там, за чертой идеальных новостроек, торчал серый зуб старой водонапорной башни.. Она зацепила его своей неуместностью и вызывала интерес.

На фоне вылизанного центра она казалась шрамом на теле города

— Интересно посмотреть... — прошептал он.

Подойдя к зеркалу, Макар поправил воротник. Он выглядел как идеальный чертеж самого себя. Но где-то глубоко внутри, там, куда не доставал ни один объектив, росла тихая, пугающая потребность в том, чтобы кто-то наконец сбил этот безупречный фокус.

Глава 2. Точка 2. Академия Искусств. Форум

После ужина Макар стоял у панорамного окна своей комнаты, глядя, как город внизу превращается в россыпь безликих огней.

За спиной послышались размеренные шаги.

Из глубины квартиры донесся едва уловимый аромат дорогих духов — холодный, цветочный, лишенный всякого тепла. В дверях появилась Елена Викторовна. Мама Макара была похожа на фарфоровую статуэтку, которую случайно забыли на морозе. Бывшая балерина, она сохранила идеальную осанку и привычку скрывать любые эмоции за вежливой, застывшей полуулыбкой.

Её голос был мягким, но в нем не было нежности — только привычка соблюдать этикет. — Макар, прими душ и выпей чай с мелиссой. Завтра у нас благотворительный вечер, ты должен выглядеть... респектабельно.

Она подошла к столу и машинально поправила стопку тетрадей Макара, выравнивая их край по срезу стола. — И убери этот рюкзак с пола, дорогой. Беспорядок в комнате порождает беспорядок в мыслях.

Макар кивнул. Он привык. Родители были его системой координат: отец — вертикаль власти, мать — горизонталь безупречного приличия. В этом доме не кричали, не плакали и никогда не смеялись в голос. Здесь всё было подчинено «Геометрии Успеха».

Когда они вышли, Макар наконец выдохнул. Он достал из-под подушки свой Атлас — единственную вещь, к которой не прикасались руки матери.

Запись в Атласе дополнилась :

«Точка 1. Пентхаус. Полос холода. Атмосферное давление: Высокое. Кислорода минимум. Наблюдение: Родители — это два идеальных чертежа, в которых нет места для тени. Живу в музее собственного будущего. Очень хочется разбить окно».

Будильник на часах Макара не прозвенел — он просто бесшумно высветил цифры «07:00». В этом доме даже звуки считались нарушением порядка. Солнце, пробиваясь сквозь безупречно чистые панорамные окна пентхауса, ложилось на пол ровными, холодными прямоугольниками.

Макар встал, заправил кровать так, чтобы на покрывале не осталось ни одной складки, и надел свежесглаженную рубашку. Перед тем как выйти из комнаты, он бросил взгляд на Атлас, спрятанный в узкой щели между столом и стеной. Его «зона сопротивления» была в безопасности.

В столовой уже пахло крепким кофе и поджаренными тостами. За длинным столом из белого мрамора сидели родители. Они напоминали модели из каталога «Жизнь класса люкс», которые замерли в ожидании фотографа.

Сергей Викторович изучал на планшете свежие сводки архитектурного бюро. Перед ним стояла чашка черного кофе — без сахара, без молока, без компромиссов. Елена Викторовна, грациозно прямая, медленно помешивала свой смузи серебряной ложечкой.

— Доброе утро, — негромко произнес Макар, занимая свое место.

— Доброе, — отец не поднял глаз, но сдвинул брови, изучая какой-то график. — Ты выглядишь бледным, Макар. Опять засиделся за снимками?

— Я дорабатывал освещение для *Сектора А*, папа. Ты же сам сказал, что «почти» — это не про нас.

Сергей Викторович наконец отложил планшет и посмотрел на сына. Его взгляд был точным, как лазерный дальномер. — Динамика света — это важно. Но помни: на сегодняшнем форуме ты должен представлять не свои амбиции, а стандарт нашей семьи. Попов будет там

с сыном. Ваня — парень хваткий, но поверхностный. Ты должен показать глубину. Никаких вольностей в разговорах. Только факты.

— Макар, — подала голос Елена Викторовна, её голос был мягким, как кашемир, но таким же плотным. — Я подготовила твой костюм для вечера. Пожалуйста, не забудь зайти в барбершоп в одиннадцать. Твоя стрижка должна быть безупречной. На форуме будут Заводы, их дочь Маргарита в твоём классе в «Логосе». Это... полезное знакомство.

— Я понял, мама.

Макар механически резал омлет. На вкус тот был совершенно обычным, но в этой тишине казался картонным.

— Сергей, ты видел прогноз? Сегодня возможен дождь, — заметила Елена Викторовна, глядя на безоблачное небо. — Это может испортить логистику форума.

— Дождь — это просто вода, Лена. У нас всё под навесами. В нашем мире погода не имеет значения, если архитектура продумана правильно.

Отец снова углубился в планшет. Завтрак продолжался в полном молчании, нарушаемом только легким звоном посуды. Макар смотрел, как капля сока медленно стекает по стенке стакана матери. Он поймал себя на мысли, что хочет, чтобы она упала на белоснежную скатерть. Просто чтобы посмотреть, как разрушится эта идеальная картинка. Чтобы увидеть хоть какую-то живую эмоцию вместо этой вечной «правильности».

— Макар, ты закончил? — спросил отец, не глядя на него. — Иди. И проверь еще раз углы в Секторе А. В 16:00 за тобой заедет водитель.

— Да, папа.

Макар встал и вышел из-за стола. Он чувствовал себя как марионетка, которой только что подтянули лески. Утро в «Стеклянном улье» закончилось по расписанию. До начала его личного крушения оставалось восемь часов.

Запись в Атласе (сделанная в ванной под шум воды):

«Точка 1. Завтрак. Климат: Стерильный. Наблюдение: Хлеб хрустит по графику, кофе горчит по ГОСТу. У родителей есть чертежи даже на то, как мы должны улыбаться. Иногда мне кажется, что я не сын, а просто удачный рендер в их голове. Хочется разлить чернила на этот белый мрамор».

Благотворительный форум «Архитектура Будущего» проходил в мраморном холле Академии Искусств. Запах дорогого кейтеринга, звон бокалов и приглушенный джаз — это была естественная среда обитания семьи Воронцовых. Макар, затянутый в узкий темно-серый костюм, чувствовал себя деталью, которую плотно подогнали под общий макет.

— Улыбайся, Макар, — едва слышно шепнула Елена Викторовна, едва касаясь его локтя кончиками пальцев. — К нам идет Леонид Попов. Держи спину.

К ним вальяжной походкой подошел грузный мужчина в сопровождении высокого подростка с вызывающе модной прической и надменным взглядом.

— Сергей! Дорогой, здравствуй! — Попов-старший, главный застройщик региона, крепко пожал руку отцу Макара. — Твой Сектор А — это просто вызов гравитации. А вот и твой преемник?

— Макар, — представил отец, положив руку сыну на плечо с такой силой, что тот почувствовал тяжесть семейного имени. — Перевел его в гимназию, в сентябре идет в Ваш элитный выпускной класс «Логоса».

— О, так они с Иваном будут одноклассниками! — Попов подтолкнул сына вперед. — Знакомьтесь, молодежь. Вам скоро вместе этот город перестраивать.

Ваня Попов окинул Макара оценивающим взглядом, в котором читалось недружелюбное соперничество. — Слышал про твои фото, Воронцов, — лениво произнес Ваня, отпивая из бокала с соком. — Папа говорит, у тебя глаз-алмаз. Но, честно, архитектура — это не фотки

щелкать. Это про бабки и влияние. Ты уже выбрал, в какой из отцовских башен будет твой кабинет, или тебе папа его сам начертит?

— Я пока выбираю, под каким углом на них смотреть, — сухо ответил Макар.

— Под острым, надеюсь? — раздался сзади мелодичный, чуть капризный девичий голос.

К ним подошла девушка в платье цвета пыльной розы. Это была Маргарита Завадова — дочь владельца крупнейшей сети дизайнерских бюро. Она тоже училась в том же классе гимназии. Марго сделала шаг к Макару, медленно оглядывая его с ног до головы.

— Макар Воронцов... — она смаковала его имя, как дорогое вино. — Я видела твои эскизы в каталоге. Слишком много прямых линий. Ты как будто боишься свернуть не туда. А ведь всё самое интересное происходит на поворотах, не правда ли?

— На поворотах случаются аварии, Марго, — холодно заметил Сергей Викторович.

— Скучно вы живете, дядя Сережа, — Марго очаровательно улыбнулась и перевела взгляд на Макара. В её голове уже щелкнул невидимый затвор. Она оценила его молчаливую холодность, его породистую скулу и ту самую отчужденность, которую она приняла за обычную податливость «хорошего мальчика». — Макар, ты ведь знаешь, что с сентября мы с тобой и Иваном будем в одной лодке в «Логосе»?

— Слышал, — кивнул Макар.

— Это будет чудесно, — Марго подошла еще ближе, так что Макар почувствовал её душистый парфюм. Она понизила голос, чтобы слышал только он: — Ты кажешься таким... правильным. Но у каждого чертежа есть обратная сторона, пустая и чистая. Я обожаю заполнять такие пустоты. Тебе повезло, что я решила взять над тобой шефство. В нашем классе выживают те, кто держится за мою руку.

Ваня Попов недовольно хмыкнул, явно ревнуя внимание Марго. — Марго, не трать время. Воронцову нужно выравнивать световые оси, он у нас мальчик-чертеж. Он без разрешения папы даже на перемену не выйдет.

— А я думаю, он гораздо интереснее, чем кажется, — Марго коснулась пальцами холодного лацкана пиджака Макара, оставляя на ткани едва заметный запах ванили.

— Просто он еще не знает, что я уже его выбрала. К октябрю он будет сидеть со мной на задней парте и делать за меня чертежи, — с усмешкой Марго сказала Ване.

Марго отвернулась к отцам, сияя безупречной улыбкой, но про себя подумала: *«Такой тихий, такой удобный. Легкая мишень. Немного внимания, пара комплиментов его занудным фото — и он будет носить мой рюкзак и смотреть мне в рот. Стекланный мальчик в стеклянном доме. Разбить его будет сплошным удовольствием».*

Макар промолчал, чувствуя, как внутри него растет глухое раздражение.

Запись в заметки телефона для Атласа (сделанная позже в туалете форума):

«Точка 2. Академия Искусств. Форум. Объекты наблюдения: 1. Иван Попов. Статус: Агрессивный конкурент. Видит не дома, а ценники. Будет мешать в гимназии. 2. Маргарита Завадова. Статус: Хищница в розовом шелке. Ошибочно приняла мою тишину за слабость. Думает, что я — чистый лист, на котором она может рисовать свои капризы. Наблюдение: Марго считает меня "легкой мишенью". Забавно. Она не знает, что через объектив я вижу её насквозь — фальшивый контур, который рассыплется от первого настоящего толчка».

Глава 3. Линии контроля

Географическая справка: Полюс холода — это не обязательно географическая точка. Это область, где теплообмен между объектами прекращен, а всякая тепловая энергия стремится к нулю.

Утро после форума в «Стеклянном улье» было таким же безупречным, как и все предыдущие. Солнце отражалось от белого мрамора столешницы, создавая в столовой атмосферу операционной. Макар вышел к завтраку ровно в 07:30. Родители уже были на своих местах, словно и не уходили из кадра вчерашнего вечера.

Сергей Викторович отложил утреннюю газету и посмотрел на сына. В его взгляде читалось редкое, скупое удовлетворение — высшая награда, на которую Макар мог рассчитывать.

— Садись, Макар. Мы как раз обсуждали итоги вечера, — отец кивнул на свободный стул. — Я разговаривал сегодня утром с Завадовым. Он под впечатлением от твоих комментариев к его последнему проекту. Сказал, что у тебя «фундаментальный подход».

— Это приятно слышать, папа, — ответил Макар, принимая из рук матери стакан сока.

— Приятно то, что это открывает нужные двери, — Сергей Викторович отрезал кусок тоста с такой точностью, будто это был фрагмент макета. — Маргарита, дочь Завадовых, тоже о тебе отзывалась... весьма положительно. Мартен сказал, что она пришла домой в восторге. Она отличная девушка, Макар. Умная, с характером, и, что важнее всего, она из нашего круга.

Елена Викторовна изящно кивнула, поправляя салфетку. — Маргарита — само очарование. Редкое сочетание стиля и воспитания. Она будет учиться с тобой в одном классе в «Логосе», и я настоятельно рекомендую тебе держаться поближе к ней. Такие союзы, Макар, закладывают основу стабильности на десятилетия.

— Союз? Мама, учебный год еще даже не начался, — Макар почувствовал, как внутри сжалась холодная пружина.

— Мы говорим не о школе, а о стратегии, — отрезал отец. — Завадовы — это дизайн и визуал. Мы — это конструкция и стройка. Если вы с Марго поладите, через несколько лет Воронцов-Инвест не будет иметь конкурентов. Она девушка твоего уровня. Не подведи нас.

Макар опустил глаза в тарелку. Омлет казался безвкусным. Он кожей чувствовал, как родители набрасывают на него лассо из «полезных знакомств» и «правильных стратегий». Маргарита за вчерашним вечером показалась ему хищницей, а не «очарованием», но спорить было бесполезно.

— Я понял, папа. Я буду... вежлив.

— Быть вежливым мало. Будь перспективным, — Сергей Викторович снова взял планшет. — Проверь расписание на сегодня. В три часа — английский, в пять — подготовка по сопромату. Не расслабляйся. Твой высокий балл в «Логосе» — это тоже часть нашей репутации.

Макар встал из-за стола, чувствуя, как его в очередной раз «выровняли по линейке». Он зашел в свою комнату и плотно прикрыл дверь.

В комнате Макара всегда было ровно +21 градус. Влажность — 45%. Освещение — мягкое, рассеянное, чтобы не создавать лишних теней на рабочих поверхностях. Его жизнь здесь напоминала чертеж, выполненный твердым карандашом: ни одной лишней линии, ни одной случайной пометки.

Макар стоял у окна, прижимая к лицу фотоаппарат. Старый корпус камеры приятно охлаждал ладонь. Для него этот аппарат был чем-то вроде защитного костюма. Если смотреть на мир через объектив, мир становился предсказуемым и безопасным.

Макар нажал на кнопку затвора. Тихий, сухой щелчок камеры в пустой квартире прозвучал как треск льда. На дисплее — идеальный кадр: стакан воды на кухонном столе. Ровно в

центре пересечения линий золотого сечения. Прозрачное стекло, прозрачная жидкость, серый гранит столешницы. Ни единого лишнего блика, ни одной крошки. В «Стеклянном улье» поря-док был возведен в культ.

Мама называла это «дисциплиной». Отец — «достойным ритмом жизни». Макар называл это **Точкой 1**. Своим личным полюсом холода.

Макар ушел в свою комнату распечатать сделанные снимки. В дверь коротко постучали. Это не был стук-приглашение, это был сигнал.

Дверь приоткрылась ровно на столько, на сколько позволял этикет их семьи. Елена Вик-торовна не зашла внутрь, она замерла на пороге, словно проверяя, не нарушил ли сын геомет-рию интерьера.

— Почему ты в этой футболке? — она кивнула на его старую серую вещь, которую он привез еще из «Ямы». — В шкафу висят новые, из египетского хлопка.

— Эта привычнее, — Макар наконец опустил камеру. — Она настоящая.

Мама вздохнула и наконец вошла в комнату. Она прошла по мягкому ковровину, едва оставляя следы. Остановившись у стола, она потянулась, чтобы поправить его «Атлас», лежа-щий под углом в несколько градусов к краю столешницы.

— Не трогай, — быстро сказал Макар.

— Опять твои замеры? — она усмехнулась, но взгляд остался холодным. — Макар, ты слишком увлечен этим затворничеством. Отец надеется, что в новой гимназии ты начнешь общаться с людьми, которые разделяют наши ценности. Архитекторы, инженеры будущего. Больше никаких пацанов из соседних гаражей.

Макар подошел к окну. С двадцать второго этажа люди внизу казались просто темными точками. — Там я хотя бы понимал, что мир живой. А здесь

— А здесь мир правильный, — отрезала мать. — Посмотри на этот вид. Видишь? Ника-кой грязи. Только векторы и перспектива. Ты должен быть благодарен отцу. Он вытащил нас из этой липкой среды.

Она подошла ближе и положила руку ему на плечо. Её ладонь была идеально теплой, но Макар почувствовал лишь озноб.

— Сегодня приедет дизайнер, будет выбирать шторы для твоей спальни. Постарайся при-сутствовать. Нам нужно завершить проект твоего комфорта.

«Проект моего комфорта», — повторил Макар про себя, когда мать вышла.

Он открыл Атлас на первой странице и чертежным почерком добавил запись: «08:15. *Уровень влажности в норме. Эмоциональный фон — стабильно низкий. Вероятность непред-виденных контактов внутри периметра — 0%*».

Он любил эти справки. Они были его броней. Если превратить жизнь в географию, то чувства — это просто погодные аномалии, временные и несущественные. Но Макар чувство-вал: скоро тишина этого стеклянного рая станет такой громкой, что ему придется бежать.

Он посмотрел вниз, за забор ЖК. Там, где начиналась серая полоса промзоны, стояла она, нелепая водонапорная башня.

— Скоро, — прошептал Макар. — Я пойду туда обязательно!

Глава 4. Наложение слоев

Географическая справка: Точка 12. Объект: Водонапорная башня. Степень износа — критическая. Уровень визуального шума — за пределами шкалы.

Через неделю после переезда Макар понял, что тишина «Стеклянного улья» начинает его душить. Она была слишком правильной, как вакуумная упаковка. Чтобы не сойти с ума, ему нужно было найти изъян — что-то, что не вписывалось в его новый идеальный мир.

Башня была идеальным кандидатом.

Он вышел из дома в 18:00, когда тени от высоток стали длинными и острыми, как ножи. Охранник на КПП проводил его подозрительным взглядом: обитатели ЖК редко выходили за периметр пешком, тем более в сторону промзоны. Макар шел, чувствуя, как с каждым шагом асфальт становится всё более разбитым, а воздух — более тяжелым и живым.

Макар шел к Башне, сверяясь с навигатором, хотя она торчала перед носом как огромный ржавый гвоздь. Его никто не остановил, но он всё равно чувствовал себя беглецом.

У подножия Башни пахло жарой и горькой травой. Макар установил штатив, привычно выверяя уровень. — Точка двенадцать. Сектор Б, — пробормотал он под нос.

— Эй! Ты там что, клад ищешь? — раздался звонкий голос откуда-то сверху.

Макар вздрогнул. Камера чуть не вильнула. Он задрал голову и увидел девочку. Она сидела на шаткой железной лестнице высоко над землей, свесив ноги в тяжелых кедах. Рыжая, в огромном зеленом худи.

— Я фотографирую, делаю пристрелочные кадры, — Макар демонстративно отвернулся к камере, поправляя кольцо фокусировки. — Фотография требует подготовки. Это математика, Золотое сечение, баланс белого.. — ответил Макар, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Спустишься, ты в кадре.

— Ого, какие мы важные. Ты пытаешься засунуть мир в коробочку размером со спичечный коробок. И что потом? Положишь на полку к своим гербариям? — девочка ловко, как белка, съехала по перилам и прыгнула на землю прямо перед ним. — Ты из этого ледяного замка за забором, да?

Макар невольно отступил на шаг. От неё пахло ветром, дешевыми леденцами и чем-то резким — растворителем или краской. — Из ЖК «Грань Будущего», если ты об этом. Я составляю Атлас города. Это система. Без системы город — просто куча хлама.

— Атлас? — она бесцеремонно заглянула через его плечо в открытый блокнот. — Без системы город — это мы, — она с размаху бросила рюкзак на землю. Раздался многоголосый лязг баллончиков. — Твой Атлас — это посмертная маска. — «Степень деструкции — ноль восемь»? Ты серьезно? Ты так и разговариваешь?

— Я фиксирую факты. Башня разрушается. Это факт.

Девчонка рассмеялась и выхватила из рюкзака баллончик. Встряхнула его. Внутри весело застучал шарик. — Башня не разрушается. Она просто грустит, что она такая серая. Я Ксюша, кстати.

— Макар.

Макар впервые оторвался от Nikon. — Мой отец архитектор. Он говорит, что линия — это единственное, на что можно опереться.

— И как тебе? Удобно опираться на воздух? — Ксюша сделала резкий выпад рукой

— Слушай, Макар, — она подошла к стене и за секунду нарисовала яркий оранжевый круг. — Теперь твои «факты» изменились. Что запишешь? «На объекте обнаружена оранжевая клякса»?

Макар посмотрел на идеальный бетон, испорченный яркой краской. Внутри всё заныло от нарушения порядка. — Ты испортила стену. Её же закрасят.

— Конечно, закрасят. В этом и смысл. Это как вдох и выдох. Я рисую — город стирает. Мы с ним общаемся. Если бы мои рисунки оставались здесь навечно, они бы тоже стали частью твоего мертвого Атласа-они бы окаменели. А так — они живут, пока их видят.

Она вдруг замерла и внимательно посмотрела на его Nikon, стоящий на штативе.

— Слушай, а сделай снимок. Не башни. Сделай снимок... движения.

Макар нахмурился, его профессиональная гордость была задета. — Камера фиксирует реальность. Чтобы снять движение, нужно выставить длинную выдержку, но тогда всё размоется. Будет просто цветное пятно. Брак

— Такними брак! — Ксюша вскочила на ноги и начала кружиться вокруг башни, взбивая кедами вековую пыль. — Сними, как я исчезаю! Сними шум! Ты же сам сказал — география не терпит шума. Ну так дай ей этого шума побольше, пусть она подавится!

Она начала распылять краску в воздухе, создавая вокруг себя облако цветного тумана. В лучах заходящего солнца, которое едва пробивалось сквозь смог промзоны, она казалась духом этого места, огненной вспышкой в серой коме города.

Макар, сам того не осознавая, шагнул к камере. Его пальцы привычно легли на кнопки, но вместо того, чтобы выставить идеальные параметры, он крутанул колесико выдержки в сторону «неправильного».

Щелчок. Щелчок.

На дисплее отобразилось нечто странное: рыжий росчерк волос, синий туман и размытый силуэт башни, которая вдруг перестала казаться Точкой 12. Она казалась живой, дышащей вещью, у которой только что появилось имя.

— Ну как? — Ксюша остановилась, запыхавшаяся, с лицом, испачканным в розовой пыли. — Ужасно?

Макар долго смотрел на экран. — Это... — он запнулся. — Это не поддается систематизации.

— И слава богу, — она подошла и заглянула через его плечо. — Смотри, на этом кадре я похожа на комету. А башня — на стартовую площадку.

— Зато сегодня башня будет яркой. А ты так и будешь всю жизнь щелкать серые камни? На, попробуй.

Она протянула ему баллончик. Макар посмотрел на её пальцы — они были перемазаны в синем и желтом. — Нет. У меня дома ну, мама не поймет. Если я принесу краску на руках, будет допрос.

Ксюша фыркнула и убрала баллончик. — Чистюля, значит. Понятно. Ну, ладно, «человек-схема». Приходи завтра в семь.

— Зачем?

— Будем делать из твоей Точки двенадцать что-то приличное. Или боишься испачкать свой блестящий фотик?

Она подмигнула ему, закинула рюкзак и быстро зашагала в сторону гаражей. Макар остался стоять у штатива. На экране камеры старая башня теперь выглядела иначе — оранжевое пятно горело на ней, как живая рана или кнопка «Вкл».

Макар был в легком недоумении, чувствуя, как за его спиной остается целый мир, который он только что, сам того не желая, разрешил себе увидеть. В сумке лежал фотоаппарат с «бракованными» кадрами, а в кармане — испачканный Атлас

Он достал ручку и внизу страницы, где всё было аккуратно расчерчено, быстро приписал: *«Встретил Ксюшу. Она странная. Кажется, завтра я снова приду».*

Глава 5. Зона отчуждения

Географическая справка: Точка 12. Влажность воздуха — 60%. Запах — полынь и аэрозоль. Настроение — неопределенное, с преобладанием внутреннего гула.

Весь следующий день Макар не мог сосредоточиться. В «Стеклянном улье» было привычно тихо и прохладно, но внутри него будто поселился тот самый оранжевый шарик из баллончика Ксюши — он хаотично стучал о стенки, выбивая Макара из привычного ритма. Он трижды протирал линзы объектива, хотя на них не было ни пылинки, и постоянно смотрел на часы.

В 18:50 Макар уже был у Башни. Он пришел на десять минут раньше, чтобы успеть настроить экспозицию, но Ксюша, вопреки его ожиданиям, уже была там. Она сидела на бетонном блоке, болтая ногами в стоптанных кедах, и методично жевала травинку.

— О, глядите-ка! Кто пришел секунда в секунду! — она спрыгнула на землю и окинула его коротким насмешливым взглядом. — А я думала, тебя мама дома под замок посадила. Ну, знаешь... за лишнюю пылинку на кедах или за нарушение режима дезинфекции ну или за позднее возвращение.

— Пришел, — коротко ответил Макар, стараясь не смотреть на её испачканные краской пальцы. — И я сам решаю, когда мне возвращаться. Что мы будем делать? У тебя был какой-то «план по захвату пространства».

Ксюша подошла к нему почти вплотную, сокращая дистанцию, которую Макар так тщательно выстраивал годами. Он почувствовал, как его личное пространство, его «зона отчуждения», сжимается до размеров одного вдоха. Она бесцеремонно — Макар даже не успел среагировать — выхватила из его рук Атлас. — Для начала — выкинь свою воображаемую линейку, Географ. Ты фиксируешь только то, что снаружи. Ширину, высоту, угол наклона... Скукота! А что внутри?

— Внутри Башни? — Макар недоуменно нахмурился. — Там пустота, битый кирпич и гнилые обломки лестниц. Я смотрел технические чертежи в архиве.

— Да нет же! — Ксюша закатила глаза так, будто объясняла очевидные вещи ребенку. — Внутри момента! Чем пахнет эта минута? Какого цвета твоё «сейчас»? Посмотри на небо, Макар. Прямо сейчас, не через видеоискатель.

Макар послушно поднял голову. Небо было ярко-розовым, переходящим в глубокий, почти тревожный фиолетовый. — Закат. Обычное явление при преломлении солнечных лучей в слоях атмосферы под низким углом...

— Замолчи! — Ксюша со смехом сунула ему в руки холодный баллончик. — Это не «явление». Это взрыв! Это финал дня, понимаешь? И он больше никогда не повторится в таком цвете. Нарисуй этот закат на стене. Всего одну линию. Твой личный след.

Макар почувствовал, как мгновенно вспотели ладони. Тяжелый баллончик казался ему гранатой. — Ксюша, я не умею. Я не рисую. Я только снимаю. Камера — она точная, она документ. А это... это же порча. И это навсегда.

— Ничего не навсегда, — она подошла к нему со спины и легонько подтолкнула к щершавой стене. — Просто нажми на кнопку. Тебе не нужно быть художником. Тебе нужно просто перестать быть таким... герметичным. Давай, жми!

Макар сделал глубокий вдох, будто прыгал в ледяную реку с обрыва. Он поднес баллончик к кирпичу. Пальцы мелко дрожали. Звук распыляемой краски был похож на змеиное шипение. Макар зажмурился. Для него этот звук был сродни скрежету железа по стеклу. *Пиш-и-шик*. На стене появилась неровная фиолетовая черта. Она была кривой, с некрасивым подтеком снизу, и она абсолютно — на все сто процентов — не вписывалась в правила золотого сечения.

— Ужасно, — прошептал Макар, глядя на это «преступление».

— Это прекрасно, — возразила Ксюша, сияя. Она подошла и провела пальцем по краю его линии. — Это твоя первая живая линия. Она неправильная, зато она — твоя. Ой, смотри! Ты всё-таки попался.

Она указала на его указательный палец, на котором сияло яркое фиолетовое пятно. Краска въелась в кожу, забила под ноготь. Макар замер. Он на секунду представил лицо матери, если она это увидит. Представил ледяной голос отца: «Твои линии поплыли, Макар. Ты теряешь контроль». Но, к своему огромному удивлению, он не почувствовал паники. Только странный, колючий азарт.

— Ты права, — Макар достал свою дорогую ручку и прямо поверх безупречного технического чертежа Башни в Атласе провел жирную, ломаную фиолетовую черту. — Теперь здесь есть плотность. И запах полыни. И этот... химический фиолетовый.

— Ого! — Ксюша восторженно хлопнула его по плечу. — Слушай, Макар, а ты небезнадежен! Давай сделаем из твоего Атласа карту наших мест? Не тех, что в Google, а настоящих. Где страшно до мурашек, где ветер пахнет солью, где можно забыть, кто твои родители и какой у тебя средний балл.

— Например? — спросил Макар, впервые за вечер поймав себя на мысли, что ему совсем не хочется проверять уведомления в телефоне.

— Например, старый мост через реку на окраине. Его называют «Скрипучий». Там на закате звук такой, будто город поет свою самую грустную песню. Пойдем туда на днях?

Макар посмотрел на свои испачканные руки, на рыжую девчонку в растянутом худи, которая только что безжалостно сломала все его графики, и на свой Nikon. — Давай сходим, — с воодушевлением сказал Макар

— Пойдем домой, а то уже поздно, — подметила Ксюша

— Только подожди, я сниму это. Твое «измерение».

Он навел камеру на её оранжевый круг на стене. В этот раз он не искал идеальный угол. Он просто нажал на спуск, ловя в кадр и кирпич, и краску, и краешек её зеленого худи.

Макар уже опустил камеру, но Ксюша всё ещё стояла у стены, рассматривая их странный «дуэт» из оранжевого солнца и фиолетовой линии. На фоне темнеющего неба она казалась почти прозрачной, будто тоже состояла из света и тени.

— Слушай, — Макар откашлялся, чувствуя, как горло перехватило от волнения. — Чтобы договориться насчёт моста... мне нужен какой-то канал связи. Ну, кроме того, чтобы караулить тебя у заборов.

Ксюша хитро прищурилась, достала из кармана маркер и, схватив Макара за руку, — Руку дай, Снежный человек! Не бойся, твои микробы из «Стеклянного улья» не пострадают, — быстро нацарапала ряд цифр прямо на его ладони, рядом с фиолетовым пятном от краски.

— Запоминай, Географ. Только смотри, не оттирай спиртом до завтра, а то потеряешь связь с космосом.

Макар посмотрел на свою руку: цифры, написанные её размашистым почерком, теперь были частью его личной географии. — Постараюсь сохранить «сигнал», — улыбнулся он.

В Атласе появилась запись: *«Точка 12 больше не точка. Это начало. Линии перестали быть прямыми. Это пугает. Но мне нравится».*

Глава 6. Точка 0. Деформация

Макар вошел в квартиру, стараясь ступать бесшумно, но в «Стеклянном улье» тишина работала против него. Мягкий свет датчиков движения вспыхивал в коридоре, сопровождая каждый его шаг, как софиты на допросе.

Он успел засунуть Атлас под куртку, но руки... Фиолетовое пятно на указательном пальце горело, как улика.

— Макар? — голос отца донесся из кухни-гостиной. — Зайди. Мы ждем ко времени, а не «когда получится».

Родители сидели за островом из белого камня. Перед отцом — открытый макбук, перед мамой — бокал минеральной воды с идеально круглым льдом. В воздухе плыл аромат запеченного лосося и тревоги.

— Где ты был? — Сергей Викторович не поднял глаз от экрана, но Макар почувствовал, как невидимые тиски сжались на его плечах.

— На Точке 8. Парковая зона, — соврал Макар, пряча правую руку в карман джинсов. — Искал правильный свет для панорамы.

— На Точке 8 сейчас ведутся дорожные работы, — отец наконец посмотрел на него. Его взгляд был точным, как лазерный нивелир. — Там пыльно, шумно и нет никакого «правильного света». Ты отсутствовал три часа, Макар. За это время можно отснять целый квартал.

— Я... я засмотрелся на закат, — тихо произнес Макар.

Мама поставила бокал на стол. Звук соприкосновения стекла и камня прозвучал как короткое замыкание. — Мальчик мой, ты выглядишь... неопрятно. Посмотри на свои кеды. Откуда эта рыжая пыль? В нашем районе везде асфальт или газон.

— Подойди сюда, — приказал отец.

Макар сделал шаг вперед. Сердце колотилось в горле. Ему казалось, что запах аэрозольной краски и пыли, который пропитал его одежду у Башни, сейчас заполнит всю стерильную кухню.

— Достань руки из карманов.

Макар подчинился. Фиолетовый след на коже в холодном свете диодных ламп выглядел агрессивно, как открытая рана.

— Это что? — отец прищурился. — Ты влез в краску? Макар, я доверил тебе свой Nikon не для того, чтобы ты ползал по заброшкам с маргиналами. Ты понимаешь, что эта камера впитывает запахи и пыль? Что это инструмент для архитектурной съемки, а не...

— Это просто черта, — перебил Макар, сам пугаясь своей дерзости. — Я проверял плотность цвета.

— Ты проверял свою дисциплину, — отрезал отец. — Ты ведешь себя так, будто этот переезд для тебя — каникулы. Но это старт твоей карьеры. Завтра ты никуда не идешь. Ты остаешься дома и приводишь в порядок свои архивы. Я хочу видеть четкий отчет по твоим фото к вечеру. Никаких «закатов». Никаких «точек». Только структура.

Макар посмотрел на маму. Она лишь сочувственно поджала губы и поправила салфетку.

— Иди умойся, — сказал отец, снова возвращаясь к монитору. — И сотри это безобразие. Линии в твоей жизни должны быть прямыми, Макар. Запомни это раз и навсегда.

Заперевшись в ванной, Макар долго тер палец жесткой мочалкой, стараясь не стереть цифры номера. Мыло не помогало. Кожа покраснела, стала саднить, но фиолетовый призрак Ксюшиного заката всё равно просвечивал сквозь эпидермис.

Он достал из-под куртки Атлас и прижал его к груди. В голове всё еще звучал смех Ксюши и её обещание: *«Скрипучий мост. Там город поет»*.

Макар лежал на своей идеально заправленной кровати. В комнате пахло чистотой, но он всё ещё чувствовал слабый шлейф полыни. Он долго смотрел на свою ладонь. Цифры немного смазались, но были отчетливо видны.

Он взял телефон. В списке контактов «Стеклянного улья» были только репетиторы, родители и пара «полезных» одноклассников. Он помедлил, а затем создал новый контакт. Просто — «К».

Пальцы быстро набрали сообщение:

«Добрых снов, Аномалия. Я посмотрел маршрут. Хочу увидеть, как поет скрипучий мост. До завтра?»

Макар отложил телефон и уставился в потолок. Через минуту экран вспыхнул.

К: *«До завтра, Географ. Смотри, не заблудись в своих параллельных прямых. Спи».*

Макар закрыл глаза. В эту ночь ему впервые не снились чертежи. Ему снился фиолетовый закат и рыжие волосы, развевающиеся на ветру.

Запись в Атласе :

«Точка 12. Дополнение. Наблюдение: Номер телефона на коже держится крепче, чем любые убеждения. Погрешность системы растет. Кажется, я начинаю ждать завтрашнего дня

Глава 7. Резонанс

Географическая справка: Побег — кратчайшее расстояние между точкой давления и точкой свободы. Измеряется не в километрах, а в ударах

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.